

В этом году Владимиру Абрамовичу исполнилось 85 лет, хотя по паспорту ему 84

АКТЕРСКАЯ МЕЧТА РЕКТОРА «ЩУКИ»

ОН СЧИТАЕТСЯ УМОМ, честью и совестью сначала советского, а теперь российского театрального искусства, переиграв на сцене театра Вахтангова практически весь классический репертуар.

Между тем, широкому зрителю он запомнился не совсем честными персонажами, а именно жуликоватым товарищем Сааховым из «Кавказской пленницы» и ушлым обокраденным доктором Шпаком из «Ивана Васильевича». Юрий Никулин рассказывал, что после «Кавказской пленницы» какой-то большой чиновник из мира кино спросил его в кулуарах – мол, они все время спорят с друзьями, кто по национальности Этуш: армянин или азербайджанец. А получив ответ от Никулина: «Владимир Абрамович – еврей», с минуту помолчал и ответил: «Замечательный артист, замечательный!» Теперь умножьте эту историю на то, что отец Этуша в сталинские времена был дважды репрессирован – и вы поймете цену роли «удельного князька» Саахова.

Через полвека история со Шпаком тоже аукнулась народному артисту СССР недобро: этим летом, пока Владимир Абрамович со своей женой был в отпуске на Черном море, его квартиру обокрали. Казалось бы: покусились на святое! Но уж больно комическая аналогия была хороша, чтобы журналисты не воспользовались случаем поиронизировать. И во всех газетах тогда список украденного перечислялся не иначе, как: «... три нити жемчуга отечественного, колец золотых отечественных – три, куртку замшевую не тронули – с орденами...» Это, действительно так: самое ценное в доме, а именно – многочисленные ордена Великой Отечественной войны и целую коллекцию дорогого оружия, не тронули – выдать, все-таки что-то святое в этих людях осталось.

В этом году Владимиру Абрамовичу исполнилось 85 лет, хотя по паспорту ему всего 84. В том поколении подобные коллизии частенько встречались: родители «сбили» сыну годик, чтобы в армию он пошел уже зрелым молодым человеком. Перед школой через суд ему «вернули» списанный год, но, когда выдавали паспорт, нашли лишь метрику с годом рождения 1923 – так и оставили.

Свой день рождения 6 мая он еще с окончания войны отмечает гораздо скромнее, чем День Победы. И на часто задаваемый вопрос журналистов: «А помните ли вы свой день рождения в 45-м?» неизменно отвечает: «Нет, зато День Победы помню очень хорошо». До сих пор переписывается со своим однопольчанином – единственным, кстати, оставшимся в живых. Но на военные праздники и просто посиделки не ходит принципиально. Говорит, что такие мероприятия проходят либо очень пафосно, а это уже политиканство чистой воды, либо, наоборот, очень убого – а такого отношения к ветеранам-героям он принять никак не может.

На фронт он, несмотря на то, что, являясь студентом театрального училища, имел броню, ушел добровольцем – прямо из родного театра Вахтангова, которому отдал 57 лет. Просто однажды, в самом начале войны, вышел на сцену в очередном спектакле, увидел в зрительном зале не больше десятка человек и понял: стране не до культуры. И уже на следующее утро пришел в военкомат с заявлением. Военные годы вспоминает очень просто и без пафоса: о высоком не думали, ошибочную стратегию и тактику высшего военного руководства, приведшую к гибели миллионов молодых солдат в первые годы войны, не обсуждали – просто приказ выполняли. Но всегда особо отмечал при этом, что на войне – именно на фронте, а не просто в военные годы – цена слова

«приказ» была другой: несоизмеримо более высокой, нежели сегодня. Войну прошел в прямом смысле слова – был послан переводчиком, но сражался в стрелковых войсках. После тяжелой травмы в 44-м году был демобилизован в звании лейтенанта и со второй группой инвалидности.

А уже через год он окончил Театральное училище имени Б. Щукина, получил приглашение преподавать в нем и вновь вернулся на сцену театра Вахтангова. Такая вот верность: больше полвека он хранит преданность и театру, и училищу, которое возглавил еще в 1987-м году, а до этого десять лет был профессором и заведующим кафедрой актерского мастерства. Правда, несколько лет назад звание ректора Щуки Этушу заменили на «художественного руководителя». Владимир Абрамович смеется: «На пенсию отправили – дали пожизненное звание». Но смех этот грустный.

Грустным получился и повод для встречи – Владимир Абрамович в числе многих знаменитостей прибыл на вечер памяти Михаила Ульянова, состоявшийся в рамках пятого кинофестиваля «Московская премьера». С этим человеком под крышей одного театра – имени Вахтангова – Этуш проработал больше 40 лет. Сначала были просто коллегами, потом Владимир Абрамович стал подчиненным Михаила Александровича, занявшего пост главного режиссера.

В Этуше странным образом сочетаются последствия солидного возраста и в то же время непокорность ему: он высок и статен, щеголеватый одет и очень остроумен. Но двигается медленно, говорит тихо и прерывисто дышит.

В нем очень сильна чисто еврейская ироничная интеллигентность – в самом хорошем смысле этого слова. Московская пресса не любит «общих» съемок – скажем, со сцены, ей эксклюзив подавай. Поэтому журналисты, струдившиеся в фойе Дома кино, «вылавливали» звезд и задавали им вопрос: «Что вы сейчас будете говорить со сцены?» Кто-то подробно отвечал, кто-то негодовал. А Владимир Абрамович лишь очень

тихо, с отеческой улыбкой и даже подчеркнuto ласково ответил: «А вы подите и послушайте». А на вопрос, что ушло вместе с Михаилом Александровичем, со вздохом произнес: «Люди уходят – вот что самое страшное». И пошел в гримерку.

Нам удалось запечатлеть момент встречи двух мэтров – Алексея Баталова и Владимира Этуша. Крепкого мужского объятия, так модного нынче, не было – они просто радостно рванулись навстречу друг другу, пожали друг другу руку и не расцепляли рукопожатия, пока говорили. И очень сокрушались, что встречаться в последнее время «удается» только вот по таким скорбным поводам.

На сцене он говорил о Михаиле Александровиче с юмором – насколько позволяла ситуация. Вспоминал о чем угодно – о том, как он строил дачу и потому приезжал в театр в грязных ботинках и очень уставшим, о том, как ему, тощему мальчишке-студенту, подкладывали под щеки подушки, чтобы он смотрелся солиднее в роли Кирова. Но о мощи таланта не говорил.

Выйдя со сцены, долго, как ребенок, просил попить – его просто не слышали в «запарке». Потом подали бутылку воды. Подождя еще секунду, он отхлебнул прямо из бутылки. И спросил: «А можно мне машину домой?» Водитель тут же подскочил: «Владимир Абрамович, машина уже ждет». Так определилось время нашего общения – от сцены до служебного входа.

– Владимир Абрамович, я сегодня совершенно случайно узнала, что вы приехали сюда с церемонии вручения ордена. За что вы получили очередную свою награду?

– Да ни за что, если честно. Дали – и дали. Наверное, просто потому, что знаменит. Господи, как же этот орден-то называется... Что-то за вклад в культуру, одним словом – это общественная награда.

– Ну, я еще раз убедилась в вашей скромности: национальным достоянием себя не считаете, названия полученных орденов не помните, за что дали – не знаете...

– (Смеется). А чем вы не национальное достояние? Почему я – достояние, а вы или этот молодой человек (указывает на Евгения Рухмаева) – нет? Все мы в том или ином смысле являемся достоянием страны. А с другой стороны, никто ничего не значит, особенно в нашей стране. Кто-то уходит, кто-то приходит ему на смену... Вот Миша ушел... Встретил его когда-то в театре, провел с ним всю жизнь, а теперь его нет... Кому-то ушедшие люди были близки, дороги, с ними были связаны самые теплые воспоминания... А достояние они или нет – с какой стороны посмотреть. (Вздыхает). Да и какая разница...

– Сегодня со сцены вы сказали много теплых слов о Михаиле Александровиче, но все это были, если можно так сказать, бытовые зарисовки.

– О творчестве говорили все, а я хотел показать Мишу с другой стороны – преданным другом, мягким руководителем, трудолюбивым мужчиной, влюбленным мужем...

– Владимир Абрамович, как вы считаете, может ли кто-нибудь из молодого или, по крайней мере, среднего поколения заменить таких мощных актеров, как Михаил Ульянов, Юрий Никулин, Анатолий Папанов, Андрей Миронов, Евгений Леонов?..

– (Подумав). Нет, думаю, таких сегодня нет.

– Вы, выучив таких актеров, как Збруев, Ширвиндт, Максаква, заявляете об этом так однозначно?

– Но я же не сказал, что нет талантливых актеров среди молодежи – их очень много. Но имена, названные вами, заменить нельзя. Кто-то, конечно, исполняет их роли в театре, может, у кого-то получается так же, может, даже лучше, но по-другому. А их самих никто не заменит. Миша ведь тоже становился актером постепенно, но он очень быстро вырос в профессиональном плане – еще студентом, наверное, он уже был большим актером.

– Ваше актерское поколение, насколько мне известно, отличалось крепкой дружбой между собой. Судя по вашим словам, так оно и было.

– (Смеется). Как бы вам сказать... Конкуренция между нами была всегда – без этого невозможен настоящий актер, ведь конкуренция – это, в хорошем смысле, в здоровой форме взлелеивание собственного честолюбия, и это в нашей профессии необходимо. Другое дело, что в наше время все это, действительно, проявлялось в более цивилизованной, лояльной форме, нежели сегодня. Мы не любили сплетен, не плели интриг...

– Современный театр, кино и телевидение вам абсолютно не нравятся, насколько я слышала?

– Это правда. Особенно то, что творится в театре – мне это более всего.

– А что там не так? Ведь сейчас все возвращается к классике, переигрывают ее, более того, зритель очень охотно пошел смотреть именно классические спектакли...

– Прекрасное слово вы подобрали – «переигрывают». Именно так я могу выразить то, что творится на сцене с классикой – ее переигрывают, в нее кривляются, но не играют так, как должно играть. Вы знаете, мне не нравится то, что не стало вот той консолидации театральной, той общности, идеи служения единой художественной цели, которая была при театре под государственным руководством. При советской власти к театру было единое требование – показывать реализм, лучше всего – социалистический. Были, конечно, коллективы, не укладывающиеся в рамки этого требования, и от них старались избавиться – так закрыли театр Мейерхольда, так исчез театр Таирова. Конечно, это были крайние, чрезвычайные меры. Но ведь сегодня творится что-то невообразимое! В театре, на сцене кто что хочет – тот то и делает! Никакой цензуры нет, кругом попка и голые, простите, попы! Наверное, это все-таки неправильно.

– Теперь я окончательно поняла, что имела в виду Мария Аронова, говоря о театре Вахтангова, в котором она служит вместе с вами, что ей дороги в нем классические традиции воспитания актеров и постановки спектаклей. В том числе то, что классика у вас ставится не перефразированной.

– Очень радует, что такой талантливой, а главное, востребованной актрисе, как Маша, по душе то, что многими давно называется анахронизмом. Это действительно так.

– Владимир Абрамович, я прочитала в одном из ваших интервью, что вы не... как бы это сказать... сыграли в жизни то, что хотели сыграть.

– Наверное, можно так сказать – но в большей степени это касается кино. И всему виной моя внешность: героем с ней не побудешь, героем-любовником – тем более. Поэтому пришлось играть характерные роли. В театре я тоже начинал с острохарактерных персонажей. Но по ходу карьеры переиграл почти весь классический репертуар.

– А сейчас кого хотите сыграть?

– Да кого дадут – того и хочу сыграть. У меня уж возраст не тот, чтобы мечтать о чем-то. Это молодежь грезит Гамлетами, Офелиями, Ромео и Джульеттами... А старики играют то, что дают – и тому рады.

– Ну, вам-то в этом плане можно позавидовать! Специально для вас был поставлен «Дядюшкин сон» в театре Вахтангова!

– Да, это был подарок труппы к моему 80-летию. Насчет мечты... Я комедию люблю очень – особенно, знаете ли, многослойную, когда над шуткой надо подумать, помыслить... Вот такие роли – мечта актерская.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЕВА.
Москва – Магнитогорск.